

Владимир КОЛЫХАЛОВ

СИБИРСКАЯ ПОМОЩЬ УРАЛУ

Я отправил свои заготовки по истории Томского Академгородка в Екатеринбург Валерию Шпаку, но ответ что-то задерживался. Это меня беспокоило, но я терпеливо ждал и крепко надеялся, ибо впечатления о встречах с известным ученым в душе сохранились самые теплые. Надеялся, ждал и не ошибся. Материал вернулся чётко выверенный, аккуратно исправленный. Приписка к статье убедила меня в правоте своих убеждений. Валерий Григорьевич, член-корр. РАН, писал мне:

«Приношу извинения за задержку с ответом — вконец одолела текучка: все та же стройка (судьба это моя, что ли?), да ещё институт к зиме готовили, ведь Екатеринбург по широте расположен даже севернее Томска. К тому же, хотелось сделать работу не второпях...

Скажу честно, в разговоре с Вами я поосторожничал в суждениях, сработало сибирское воспитание — чересчур не откровенничать с незнакомым человеком, особенно не зная его взглядов. Это я понял, прочитав Вашу книгу, за которую еще раз спасибо. Сам писать я не большой любитель и делаю это только по великой необходимости. Если Вам будет интересно, я прилагаю вырезку из нашей многотиражки, где есть и мое мнение о существующем положении с наукой. Думаю, что это и пригодится. С уважением — В. Шпак».

* * *

Когда я взялся за сбор материалов по истории нашего Академгородка, мной овладело желание быть предельно полезным. Живу я здесь, многих научных работников хорошо знаю, общался с Г. А. Месяцем и пока достраивался ИСЭ, мы — писатели и учёные — «жили» на ул. Герцена, 8. Отношения у нас сложились дружеские. Институт Месяца тогда был в стесненных обстоятельствах, и когда Геннадия Андреевичу требовалась просторное помещение, я отдавал ему ключ от своего кабинета и уезжал в поездку по области.

Как говорится, с тех пор много воды утекло. С Валерием Григорьевичем Шпаком я тогда еще не был знаком. Представила меня г-ну Шпаку Людмила Георгиевна Фонова, бессменная секретарь-машинистка Месяца. Мне она

определена в помощники и советники г-ном Хузеевым, который про наш Академгородок «знает все».

— Валерий Григорьевич, начнем, пожалуй... Документалистика требует от автора достоверности, искренности. Надеюсь, вы меня этим не обойдете, написать книгу о Томском научном центре не так-то просто. Домысел допустим, вымысел — исключается.

Мой собеседник сказал, не задумываясь:

— Вообще, историю хорошо рассказывают и пишут те, кто ее знает и делает своими руками. Последнее, что я читал в этом плане, пожалуй, книгу о юбилее ТУСУРа.. А было такое событие сравнительно недавно. В своё время я поступал в политехнический, а оказался в ТУСУРе, верней, в институте, который теперь называется так. Я попал в первую компанию студентов, которые в тот год поступали, и закончил его. Остальные пришли из политеха (радиотехнический факультет). Но вопрос не в этом. В книге, которая была посвящена юбилею, первый ректор ТУСУРа Г. С. Зубарев подробно и честно рассказал, как организовался этот институт, о тех сложностях, какие при этом тогда были. Правильно подан материал: я тем событиям был живым свидетелем. Разница в том, что Зубарев — ректор того института, а я — студент. Григорий Семёнович знал, конечно, больше меня. Мои знания об этом были «схвачены» лишь из окна студенческого общежития. И то надо заметить, что тогдашнее общежитие было еще недостроенное, мы ходили через «леса» на занятия... Если бы меня стали спрашивать о том периоде, о, то я бы напоминал «солдата в окопе», который мало что знает о сражении, о замыслах своих начальников. Вот и приходится сомневаться в «живых рассказах» тех, кто знает, как лапти плести.

(Неожиданно вспомнили «окопную правду» покойного В. Астафьева. Едва ли этот уважаемый писатель знал достоверно о замыслах маршала Жукова или кого-то другого неменьшего ранга).

— Мифология в изображении правды не нужна. Я тоже не берусь судить о том, что говорилось в обкомовских кабинетах во время строительства Томского Академгородка. Интриги и сложности той поры меня не касались. Что-то, конечно, до нас доходило..., как зарницы от дальних взрывов. У нас были свои проблемы, и я хотел бы вам быть полезным...

— Известно, что в одной берлоге два медведя не уживаются. Хотел бы знать ваше мнение: чем были вызваны «столкновения» Зуева и Месяца. Ведь в науке есть свои противоречия, и они вполне естественны!

— Я не могу тут во всем согласиться. У нас были трения между институтами, и Месяц отдавал Владимиру Евсеевичу должное. Главное, что Академгородок был задуман Зуевым и построен правильно. Может, благодаря этому — всё здесь живет! Теперь я могу сравнивать Томск и Екатеринбург. Здесь лучше, хотя я отдал Уралу уже 20 лет!

— Сравним ли в какой-то мере новосибирский научный центр?

— Это другой случай. Новосибирский Академгородок строился при Хрущёве и академике Лаврентьеве. Конечно, там всё создавалось *классически*. И денег тогда на показательные стройки не жалели... На Космос, впрочем, тоже.

— Образцово-показательный стиль?

— Ещё надо иметь в виду, что в Сибирь вряд ли поедут жить и работать ученые, если не создавать им условий для исследований научных и условий житейских.

— Согласен!

— Общежития того времени — пример отрицательный. Они коридорного типа и «удобства» в них — в конце коридора. Вот Зуев это учёл и строить начал общаги семейного типа... Правда, на создание Томского Академгородка было мало отпущено сил и средств. Корпуса институтов возводили мы сами. Помню, как много отдавали на это физических и духовных сил! Собери всех, кто строил здесь академические институты, встала бы тысячная рать. И каждый из тех строителей мог бы точно сказать, где, когда и что он строил.

— Примеров, конечно, много: детсады, школа, поликлиника. Дом ученых. Все общежития, кстати.

— Скажу так: здесь редкое здание, где бы мне не удалось поучаствовать в его возведении. Строительство Академгородка Томска шло при тесном участии Егора Кузьмича Лигачева. Для него наука была в престижном почёте. Не оставалось без пристального внимания и сельское хозяйство. Тут Лигачев никому не давал поблажки. Мы сами перебирали семенную картошку, высаживали капусту, к тому же участвовали во всяких «народных» стройках. Рабочий сезон начинался в конце марта, когда мы, тогда молодые учёные, затачивали плёнкой теплицы. А пора сенокосная что нам стоила! Жили в палатках в лесу и в поле. Мошка, комары, слепни, пауты досаждали нам всем изрядно; зато физический труд и, в целом, — здоровый образ жизни... Компартия тогда бралась за всё, и за всё была в ответе. Как бы там ни было — Лигачев был ярким примером активного коммуниста. Для меня он представляется той колоритной фигурой председателя колхоза, которую ярко показал артист Ульянов в фильме «Председатель».

— Что ж, для Егора Кузьмича «коммунизм» был «не за горами». Наверное, благодаря таким «верующим» Советская власть и продержалась так долго.

— А рухнула она сразу и вся. И не только для американцев, но и для нас для всех!

Помолчав и подумав, я задал вопрос своему собеседнику:

— Валерий Григорьевич, а не считаете ли вы, что таких личностей как Лигачёв, сформировала и воспитала сама многолетняя тоталитарная система?

— Думаю, что не совсем так. Подобные руководители появлялись и появляются во все времена при любой системе. Плохо, когда такие личности пытаются «осчастливить» человечество.

— Вам они помогали?

— Конечно, когда мы соответствовали их целям!

Я горячо поддержал это веское мнение моего собеседника и готов был вести наш разговор и дальше. Шпак согласился со мной, что я не зря взялся написать «кое-что» о Томском Академгородке.

— Жизнь идёт, продолжается. Приходит новое поколение, уже пришли те, кто ничего не знает про то, что тут и как было. Тяжко жилось конечно. Но мы вздохнули, расправили плечи. Ездить стали в загранку, а прежде туда «окно» было закрыто. Тут стали ездить, примеряться и сравнивать. Тут к месту вспомнить опять Лигачёва и Зуева. Ведь они люди одного поколения и одного стиля работы. Могу заметить, что часто шло у них все через ломку и «переступание» людей. Как раз это касалось того времени, когда нас пинками гнали к «светлому будущему»!.. Говорить и писать надо об этом честно. Я советую и говорю как современник. Кстати, закончил я институт в 67-м году, в 68-м пришёл в Академгородок по приглашению С. П. Бугаева из НИИ ЯФ. Я там был человек не совсем новый, поскольку проходил через систему рабочих студентов. На дневное отделение принимали учиться только тех, кто имел 2-х летний стаж «трудовой отработки». Поэтому и меня зачислили на вечернее отделение. Вечерами учились, а днем отрабатывали. Распределили тогда нас кого куда: кого на радиозавод, кого на «Лампочку»:

— Куда же попали вы, Валерий Григорьевич?

— Меня поставили на монтаж установки «Сириус». Монтаж этого ускорителя был для нас очень хорошей практикой. Кстати, Бугаев определил меня к Месяцу. Я думал, что жизнь моя пойдет спокойно. Но сам по себе переход в академическую науку обернулся для меня большой стройкой... А потом — Екатеринбург, и там тоже началась стройка.

— Давно вы «отселились» на Урал?

— Тому уже 20 лет...

— Вы отсюда уехали, а теплые отношения, как я вижу, здесь остались. Прочертите, пожалуйста, взаимосвязь двух научных центров.

— Я бы даже не назвал это связью: мы просто остались сотрудниками Института сильноточной электроники. Научные интересы здесь остались и не исчезли никуда. Отношения к нам как к ра-

ботникам, которые «уехали» в длительную командировку, спустя время — вернулись к радости сослуживцев. Ведь у нас много совместных работ. Есть конкуренция, и довольно жесткая. Здешний рынок, с которым мы связаны, довольно «шершавый», но мы умудряемся сотрудничать, помогать друг другу. В эти обоюдные отношения включаются люди не только нашего поколения, но и те, кто идёт нам на смену. Я ощущаю себя там, в Екатеринбурге, как в зарубежье. «Родина» наша осталась здесь. Для меня в Екатеринбурге нет такой теплоты, нет ни друзей, ни крепких знакомств. Там чисто научные, деловые отношения, Екатеринбург — город с другими традициями, нежели Томск, и наука там совсем по-другому организована и взаимоотношения совсем другие. Томск — город уникальный, со своей аурой, в нем совершенно нет некоего снобизма. На мой взгляд, таким и должен быть умный город.

Возникла пауза приятных размышлений. Мой собеседник продолжал:

— Тут началось, наверное, с того ещё, когда в этот город стали тянуться, съезжаться люди, которые были задеты, затронуты власть предержащими былых времён. Я не имею в виду уголовников, а касаюсь политических ссыльных, запачканных «58-й» статьёй. Такому человеку нельзя было проживать, идти поступать учиться, скажем, в Москве, Петербурге. А в Томске — можно!

— Грустно, право. Нарымский край — место каторжное. Помните, что писал Чехов в своём труде «Остров Сахалин»? Не достигнув ещё каторжного места, Антон Павлович сообщал своему издателю Суворину, что народ здесь живет вольно, говорит все, что думает. Тут граница, Китай за могучим Амуром, кругом ширь, простор, воля. Говори, что думаешь, и что хочешь. Никто тебя никуда не задвинет и не посадит, ибо дальше ссылать уже некуда.

Валерий Григорьевич кивнул и внёс добавление:

— Да и Геннадий Андреевич Месяц через политические передрыги прошел. У каждого находили в сталинские годы «родимые пятна неблагонадёжности». Я из Восточной Сибири приехал в Томск. Со мной был литовец, сосланный сюда в конце 40-х годов. Как бы ни было ему трудно, но он здесь поступил в институт, окончил его и позже вернулся в свою прибалтийскую родину. Таким, как он, устроиться в других местах и спокойно учиться, потом пристроиться, было бы очень трудно или совсем невозможно. Кстати, в том же Свердловске — закрытом городе. Свердловск и в те годы был большой и сам «снабжал» себя специалистами. Военная промышленность предпочитала людей с чистой биографией. А вот Томск и теперь собирает студентов со всех концов России. Да, выгодней выучить специалиста, а не ждать готового, скажем, из Москвы.

«Вгрызаясь» душой в суть разговора, я вдруг вздохнул.

— Значит, Геннадию Андреевичу не так-то легко приживалось в Москве?

— Да сперва и в Свердловске тоже самое было. А в Москве-то подавно. К тому же еще много берёт на себя научная элита. Ведь до сих пор эта среда «рассматривает» — откуда ты в столицу «упал», откуда родом и проч. Это чувствуется и на Урале. Екатеринбург очень копирует Москву. Я уже говорил, что там совсем другой мир в сравнении с Томском. К Екатеринбургу трудно прижиться — там надо родиться!

— Свердловск я лишь несколько раз проезжал по пути в Москву из Хабаровска, Благовещенска. Путь оттуда далёкий, многоохватный. Хотел бы узнать от вас что-нибудь об уральском научном центре. Чувствую, что вы готовы «распахнуть» душу.

— Это так... Екатеринбург был и остаётся пока одним большим военным заводом. Как и все, теперь он переживает не лучшие времена. Но города с миллионным населением переносят это легче, чем средние, тем более малые. Я поэтому восхищаюсь Томском особенно. Вон как приукрасили его к 400-летию юбилею!

— В центре наш Томск прибрали, а окраины мало приглядны, пригожи. Я тут смотрю правде в глаза.

— Может, и так. Но всё-таки город стал опрятен, пригожей, чем в те давние годы, когда я учился в политехе.

— А в очень давние годы? Мы тут вспоминали А. П. Чехова. Он назвал Томск «свиньёй в ермолке», а Иркутск ему показался «щеголем». Может, сатирические чувства нахлынули?

— Пожалуй. Болезнь терзала... Моё мнение чисто личное: Томск преобразился в лучшую сторону. И годы приспели почтенные. Что ж, слава умному городу! Вот и наших ребят из Екатеринбурга Томск восхитил. Хорошо тут налажено дело с транспортом — никакой толкотни, суматохи. На улицах много молодёжи — весело и демократично, везде встречаются нарядно одетые, красивые женщины. Вечерами спокойно, не слышать диких выкриков, не видно шатания пьяных.

— Все же, позволю себе внести «коррективы»: в Томске и грабят, и убивают... к великому сожалению. Российские бури не обходят наш Томск стороной. Где-то, конечно, погуще, где-то пожиже.

Валерий Григорьевич мне возражал смягчённо:

— Но я не чувствую того «запаха криминала». Да, в Екатеринбурге ещё продолжается передел собственности. Правоохранительных сил у нас явно не хватает...

* * *

Желание добавить к сказанному явилось тут же. Валерий Григорьевич пожелал высказаться о детище покойного В. Е. Зуева. Я охотно кивнул и «наострил» уши. Я уже был по своим делам в ИОА, но почерпнуть хорошо мне удалось лишь в уютной и отзывчивой библиотеке. Остальные же почему-то на контакт со мной шли неохотно, как-то туговато. Но об этом я расскажу позже. Кое-какой свет пролил на это мой собеседник...

— Пока еще там положение тяжеловатое. Отчасти это след «политики» уважаемого Владимира Евсеевича. Институт оптики атмосферы стал себя плохо чувствовать ещё до перестройки. Тут повлияла чрезмерная милитаризация политики. Тогда как раз началась конверсия. Это постигло в той же мере институт ядерной физики, институт высоких напряжений при ТПИ. Конечно, ИСЭ тоже жил тогда тяжело. В 80-е годы им вообще жилось на «лёгких» «военных» деньгах — «оборонные» деньги и не по линии оборонного ведомства. В то время ИСЭ постоянно строился. А теперь я удивлен: ИСЭ на плаву и остался почти в том же составе, все мне тут люди знакомые, радостно встречают, улыбаются — нет тоски и угрюмости в лицах. И это здорово! Столько лет минуло. Коллеги мои живы, здоровы, вольно дышат, в глазах живой блеск, нет и близко уныния. Замечаю, что появилось уже и второе поколение: отцы сами тянут лямку науки и детей сюда привели! Вот это для меня предмет большого восхищения! Был момент, когда в ИСЭ средний возраст сотрудников составлял всего 29 лет. А их начальнику было чуть за 40. А теперь уже их дети остепененные — кандидаты наук.

«Втерся» в паузу и сказал:

— Я был на открытии конференции, слушал вступительное слово академика Коровина С. Д. Он называл гостя из Москвы Лигачёва.

— Да, это сын Егора Кузьмича. Знаю, что живет он в Москве, но по науке держит связь с Томском... Замечу ещё о работе академика Зуева. В те годы он менял кадры чисто в духе тех лет — часто и по-большевистски, круто. А вот Месяц всегда трудно расставался со своими коллегами. Заметьте себе, что ИСЭ добился самостоятельности в конце 70-х. Наши научные кадры, бывало, оставляли свои работы, переключались на строительство институтских объектов. Работа им доставалась не только грязная, но и тяжелая и не безопасная. Проблем было много, одолевались они нелегко. Строители — люди скромные, не шумливые... Вспоминаю Загулова Филиппа Яковлевича, Лопатина Виктора Васильевича. Последний был бригадиром первого отряда строителей на возведении корпуса ИСЭ. В этом же институте можно его найти. Он вспомнит многое и охотно расскажет...